

An illustration of a woman with long, flowing yellow hair. Her face is pale with red lips, and her hands are raised to her face. She is wearing a red dress. Two red roses are pinned to her hair. The background is dark brown.

АННА АХТУЛОВА
ИВЕТТА

*ИЗНЬ ЦЕННЕЕ
ВСЕГО НА СВЕТЕ,
НО СМЕРТЬ НЕ
ЗНАЧИТ КОНЕЦ
ВСЕМУ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ АНАСТАСИ ЭНС

Анна Ахтулова

Иветта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56333510

SelfPub; 2023

Аннотация

Иветта потеряла своих самых близких и родных людей – родителей. Она уверена, что больше не сможет жить, но внезапно возвращается её сестра, с которой они не виделись много лет. Теперь Иветте предстоит восстановить давно разрушенную хрупкую связь и научиться жить снова.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Ахтулова

Иветта

Глава 1

Я подошла к могиле и первая бросила в неё горстку земли. Мне казалось, что я уже не могу плакать, но слёзы всё бежали по щекам. Яростно вытерев их тыльной стороной ладони, я отошла, не желая знать, кто следующий подойдёт к погребению. Кажется, людей много, но я не уверена: они продолжают двоиться в глазах. Под всеобщее молчание могильщики взялись за лопаты и начали засыпать яму. Слишком медленно... Или слишком быстро? Слёзы с новой силой брызнули из глаз – теперь я не видела совсем ничего. Сердце стонало, как будто его сжали тисками и давят, давят, будут давить до тех пор, пока оно не разорвётся в клочья. Хотелось кричать, хотелось вырвать лопаты из рук могильщиков и раскопать оба гроба. Нет! Не хочу, чтобы сейчас всё закончилось! Я не хочу прощаться!

Но у судьбы другие планы. Рыхлая земля разделила меня с родителями. Теперь навсегда. Я дрожала. То ли от холода, то ли от негодования. Похоже, сначала ко мне подошла тётушка и, похлопав по плечу, сказала, что всё будет в по-

рядке. Какая гнусная ложь. Ничего никогда больше не будет хорошо. Я буду просыпаться и завтракать без родителей, я больше не услышу их смеха, больше не увижу, как они подшучивают друг над другом, я больше не посмотрю с ними какой-то бессмысленный фильм по телевизору... Их больше не будет. Никогда. Ну почему, почему я не погибла вместе с ними? Мне хотелось вырвать собственное сердце из груди, лишь бы больше ничего не чувствовать. Я корила, ругала, ненавидела себя за то, что погибли они, а не я. Не понимаю, за что? Почему вселенная всегда забирает самых лучших?

Тётя сказала ещё какие-то пустые слова и, взяв меня за руку, нежно, как будто девчонку, куда-то повела. Ах да, поминки. И кто их придумал? Зачем? Очевидно ведь, что после прощания с родными, единственное, что хочется, – это уткнуться в подушку и разревется. Хочется выть, бить что угодно, кричать, но никак не сидеть за столом в компании абсолютно равнодушных людей. Не знаю, всем ли им плевать на моих родителей или это они специально всегда делают такие каменные лица? Наверняка, чтобы убедить, что ничего плохого не произошло, всего-то ещё одно надгробие появится на кладбище, к которому придётся волочиться в родительский день.

Для этих похорон я не сделала ничего. Я пыталась, но любой звонок оборачивался истерикой. Я не знала, кто всем этим занимался. Поэтому и не догадывалась, в какой ресторан меня привезли. Да и разве это важно? Я просто хотела,

чтобы всё это закончилось. Кусок в горло не лез. И лапша, и каша застревали в глотке, так что я съела всего по ложке. Зато сестра, сидевшая напротив меня, уплетала за обе щёки, отчего её белокурые, как у меня, кудри нелепо дёргались. Она была такой свежей, румяной. Щёки пылали огнём и здоровьем. Голубые, в маму, глаза были умело подчёркнуты чёрной подводкой и блестели из-за ярких золотых теней. Я всегда завидовала её светлым глазам, мне достались карие – от папы. Но остальное в ней я ненавидела, потому что мы были слишком похожи внешне, разве что, у меня на лице не такого слоя штукатурки. Ей всегда были безразличны родители. Всё, что они получили от своей любимой дочурки – это истерики, скандалы, постоянные жалобы от учителей и соседей и, под конец, её дерзкий побег. Как же, как же я её ненавидела за всё это! Я не отводила от неё осуждающего взгляда, пытаюсь воззвать к её совести, но она не обращала на меня ни малейшего внимания. И всё, что мне оставалось, – не дать волю моей злости.

По желанию начали поминать покойных. Каждый говорил что-то своё, повторяя неизменное «пусть земля им будет пухом», а потом со словами поддержки обращались ко мне. Я слушала, хотела узнать чуть больше о своих родителях в этот последний день. Как бы то ни было, но мы не можем знать о наших папах и мамах всё и как-то даже не спрашиваем их. Лишь после расставания с ними мы жадно вслушиваемся в любой разговор, где они хоть как-то упоминаются.

Но в итоге все эти лживые слова поддержки в конце их рассказов заставляли меня страдать ещё больше. Мне это не надо. Мне не нужна их якобы забота. Я просто хочу, чтобы всё это было сном. Хотелось просто встать с рассветом, потянуться, побежать на кухню, слыша ароматный запах кофе, который мне приготовила мама, и радостно улыбаться новому дню.

Я яростно щипала себя, пока слёзы снова собирались в уголках глаз, но не просыпалась. Как же я хочу, чтобы они вернулись...

– Я... тоже скажу, – встала я, едва не уронив стул. Я взяла стакан, но руки дрожали. Пришлось глубоко вздохнуть, чтобы немного успокоиться – не помогло. – Они были, нет, они есть мои родители, они прекрасные люди. Не было людей добрее их, не было никого, кто был бы мне ближе. Они всегда всем помогали, делились своим прекрасным настроением со всеми окружающими, мечтали, чтобы все их близкие счастливо улыбались, но также я знаю, что им пришлось многое вытерпеть. И я верю, что они останутся в памяти каждого из вас, – голос задрожал, всё снова началось размываться. – Я буду помнить о них только самое лучшее, я навсегда сохраню их в своём сердце и душе, – я совсем разревелась, кто-то погладил меня по плечу, пытаюсь успокоить. Все отпили немного из стаканов, и я тяжело упала на стул.

Нет, нет, я не могу больше здесь находиться. Я попыталась сказать об этом тёте, и она, к счастью, меня услышала.

Совсем скоро все начали собираться домой. Совсем скоро все начали собираться. Кто-то предложил подвезти меня, но я вяло помотала головой, отказываюсь. Больше не было сил кого-то видеть или слышать.

Однако, когда я проводила всех около выхода из ресторана, ко мне неожиданно подошла сестра и положила руку на моё плечо. Я с грустью посмотрела в её сторону. У меня больше не было сил злиться. Не сейчас.

– Теперь остались только мы с тобой. Нам нужно держаться вместе. Родители этого хотели бы, – я сжала её тёплую ладонь в своей руке. – Возвращайся домой. В нашу квартиру. Нам придётся научиться быть счастливыми даже без родителей.

Она долго молчала, смотря куда-то вдаль и только через несколько минут ответила неуверенно:

– Давай попробуем.

У меня перехватило дыхание. Её голос казался таким чужим, незнакомым, далёким, как будто она была вовсе не моя сестра, лишь незнакомец, проходящий мимо. Неужели эти года настолько всё изменили? Она теперь другая, и я тоже. Сможем ли мы подружиться, если в её голосе играют нотки сомнения? Что это? Страх перед будущим или полное неверие в то, что нам удастся вновь сблизиться? И правда, каковы же шансы? Что нас ждёт дальше?

Глава 2

Я зашла первая и нажала на выключатель – коридор тут же залил яркий электрический свет. То, что сестра согласилась переехать обратно в родительскую квартиру, немного воодушевило меня.

Первое, на что упал мой взгляд, был чемодан, пристроившийся около шкафа. Улыбка тут же сползла с моего лица. Я и забыла, что у неё, вообще-то, тоже есть ключ. Получается, зря я что-то говорила про родной кров – она итак планировала обустроиться в этой квартире. Стоило догадаться, где бы ещё она жила? Хотя, может, ей нужно столько вещей на два дня.

– Я смотрю, ты уже заезжала сюда? – я натянула улыбку, чтобы не задеть Еву.

– Да, не могла же я ехать на похороны с чемоданом, – равнодушно пожалала она плечами. – Но, я надеюсь, ты одолжишь мне свои вещи, – она подняла на меня наглый взгляд, вопросительно приподняв брови. – То я решила избавиться от многого. Если уж начинать новую жизнь, то сполна.

– Да-да, конечно, – я пыталась сдержаться как только могла, но саркастические нотки всё же проскользнули в моих словах.

Но Еву, кажется, даже не интересовал мой ответ. Она уже сдирала плёнку с чемодана. Я вздохнула и начала её помо-

гать.

– Ты хорошо помнишь эту квартиру? – спрашивала я, раскладывая Евины вещи по полкам.

– Конечно, – кивнула сестра. – Было бы странно её забыть.

Когда Еве было 16, она сбежала в Москву. Там, вроде, поступила в колледж. Не знаю, была ли она счастлива там, в Москве. Но всю свою сознательную жизнь она твердила, что ненавидит наш родной город, нашу семью и вообще всё, что её окружает. Однако вот она вернулась в свои двадцать четыре. Стала бы она эта делать, будь её новая жизнь именно той, о которой она мечтала? Сомневаюсь.

После того, как Ева сбежала, в этой квартире жили только трое: мама, папа и я. И мы ничего не стали в ней менять. Квадратный холл, встречающий нас, был всё в тех же серых тонах, а напротив двери висело зеркало. В квартире были те же три комнаты. Всё в тех же пастельных тонах. Никогда не понимала, почему мы ничего не изменили. Они всегда ждали, что вот-вот войдёт Ева и всё будет как прежде, будто не было Москвы, игнорирования звонков несколько месяцев после побега, будто не было боли и страха за родную дочь. Они хотели, чтобы ей было комфортно, а я хотела изменить всё, чтобы вычеркнуть Еву из нашей жизни. Но судьба решила, что вычеркнуть надо родителей. Как сейчас помню: мы сидим на кухне с папой и мамой, обсуждая, с надеждой, будущее Евы. Мы и не надеялись на десятый класс, но хотя бы на колледж в родном городе, однако однажды она просто

не вернулась домой.

– Помнишь, где твоя комната? – я пыталась быть с ней любезной и добродушной, хотя в сердце всё клокотало. Однако, подойдя к спальне, я с удивлением остановилась. Вздвогнув, я сжалась и потупила глаза. Как же мне было неудобно. Не представляю, как я могла забыть об этом. Наверное, всему виной шок.

– Твою комнату мы переделали в зал, – едва выдавила я, чувствую себя безумно неловко и глупо. Это было единственное изменение, которое мы внесли, вроде даже, совсем недавно. – Ты можешь пожить здесь или в моей комнате. Тогда я переселюсь в зал, – неуверенно бормотала я.

– А что насчёт комнаты родителей? – я вздрогнула и тупо посмотрела на неё, сердце тут же забилося быстрее от жгучей злобы. Мы только пришли с их похорон, а она уже хочет выкинуть их из нашего прошлого, разрушить их спальню, их обитель прямо сейчас. И навсегда.

– Это плохая примета, – кинула я, крутя единственное кольцо на указательном пальце – подарок родителей на шестнадцатилетие. Конечно, я не знала существует ли вообще такое поверие, но мне хотелось уберечь комнату родителей и ради этого я была готова на любую ложь.

– Ты же знаешь, я не верю в приметы, – цокнула Ева, скрестив руки на груди.

– П-послушай, – запинаясь я. – Давай всё же пока оставим её в покое, а потом, хотя бы через сорок дней, а лучше

через полгода переделаем в твою? – предложила я, вдруг испугавшись, что сейчас она просто развернётся и уедет навсегда опять. И я снова останусь одна.

– Ладно, – недовольно сказала Ева. – Тогда пока поживу в твоей, – она пожала плечами и двинулась к двери в мою комнату. Я поплелась за ней. – А я смотрю, ты её немного приукрасила, – присвистнула она, рассматривая спальню. – Неплохо.

Я посмотрела на неё вопросительно. В этой комнате не изменилось ничего. Только родители добавили в неё что-то. Сказали, так будет уютнее. Мама поставила несколько цветков в горшках: орхидеи, переливающая красными оттенками, нежно-сиреневые фиалки, ангельски-белые герани, она нашла интересный ящичек для бумаг и поставила его на стол, на стену повешала стенд, на котором хотела, чтобы я развешала всякие фотографии и билеты – мои самые восхитительные воспоминания. Ещё мама купила мне насыщенного зелёного цвета покрывало на кровать и это отлично довершило картину. На самом деле, хорошо, что она решила пожить в моей комнате. Так я не буду видеть все эти мамины старания. Ведь я больше никогда не смогу радоваться этому, я в принципе не буду счастлива больше никогда в жизни.

– Отлично, тогда я пока начну располагаться. Ещё я хочу увидаться со всеми старыми знакомыми в ближайшие дни, – сказала она после того, как обшарила все уголки и щели комнаты, потрогала всё, до чего могла дотянуться без стула.

– Да, конечно! Думаю, они будут рады с тобой встретиться.

Я действительно пыталась восстановить наши отношения, подбирала слова, соглашалась на все её условия, но её наглость и непосредственность меня раздражали, хотелось просто вклеить ей пощёчину, чтобы она опомнилась, осознала всю ситуацию. Но вместо этого я сжала кулаки и глубоко вздохнула. Надеюсь, я смогу изменить свои чувства к ней, как и она ко мне.

– Если честно, я очень устала. Наверное, ещё не время для сна, но всё же давай отправимся по кроватям. Непростой был день, – предложила я, на что Ева покачала головой, соглашаясь.

Я дала сестре свою вторую пижаму и, достав запасную простынь, одеяло и наволочку, скрылась в зале, оставив её в комнате.

Заправив диван, я с тяжестью упала на него. Мне не хотелось спать, навряд ли я смогу нормально спать ещё долго. Но мне надоело чьё-то общество, я просто желала остаться одна. Мысли не давали мне покоя, и я ворочалась с бока на бок. Это был последний день с родителями, самый последний, больше я не смогу увидеть их. Слезы опять обожгли щёки, но я даже не пыталась их остановить. Эта смерть стала слишком неожиданной, слишком болезненной. Но почему осталась я? За что? Эти мучения, эта боль утраты невыносимы. Выворачивает меня, накрывает – и вот уже кроме

неё нет ничего. Я до сих пор помню тепло их рук, ощущаю на своей коже – надолго ли, как скоро и эти воспоминания оставят меня. Я свернулась калачиком и обняла руками колени – так легче, так страх скрывается.

Родители всегда были мне самыми близкими. Я помню, как папа подкидывал меня на руках, когда мне было пять лет, помню, как мама целовала меня в лобик и готовила мои любимые кабачковые оладьи, помню, как мама выслушивала все мои жалобы и давала советы по учёбе, по мальчикам, по жизни, по всему. Помню, как однажды папа пришёл в школу и разобрался с моими обидчиками. Я так и не узнала, что он сделал, но после никто меня не пытался задеть. А после этого случая, мы, прихватив маму по дороге, поехали в парк. Этот день стал самым лучшим в моей жизни. Помню, как папа относил меня на руках в постель, когда я засыпала в машине и обнимал, когда мне было холодно. Помню, как мама строила со мной замки из песка и обрызгивала меня водой. Родители были для меня всем: отцом и матерью, сестрой и братом, тётей и дядей, друзьями. У меня не было больше никого. Только они.

А сестре, казалось, они были не нужны. Никогда она не обращалась к ним за помощью, хотя они делали для неё всё. Наверное, она хотела быть взрослой, самостоятельной, поэтому всегда их отвергала. И всё закончилось побегом – такая вот благодарность за труды. В детстве мы были очень дружны, а вот в подростковом возрасте всегда дрались, руга-

лись, мы жили словно кошка с собакой, а родители пытались нас примирить. Всё было из-за зависти: она была красивой, мальчишки за ней так и бегали, а ещё у неё всегда было много друзей. Даже родители уделяли ей больше внимания. Может, потому что она была проблемной? Иногда я думала, что она убежала из-за меня, и как же я злорадствовала. Столько воды утекло с тех пор. Сейчас я другая, да и она, наверное, тоже. Это мне ещё предстоит узнать. С одной стороны, мне хотелось построить с ней отношения, а с другой я просто мечтала упиваться одиночеством, проживать эту боль одной, самостоятельно. Потому что только я знала их и только я могла полноценно отпевать их. Они были слишком добры к людям, но все, кому они помогали, никогда не знали их. Они дарили им не те подарки, говорили не те слова – не те, которые были бы приятны им.

Мне удалось заснуть только ближе к рассвету, когда все слёзы высохли, голова сильно болела, и я просто больше была не в силах думать. а мозг больше не был способен думать. Мне снились кошмары, и я проснулась через час в холодном поту.

Помню как вчера тот день, хотя он и кажется таким далёким прошлым. Кажется, в этот момент мы веселились. Да. Мы слушали музыку, подпевали и смеялись. Это был наш семейный день – воскресенье. В этот небольшой праздник мы куда-то ходим с семьёй. Так было всегда, и когда мне было пять, и когда уже стукнула двадцать. В это роковое вос-

кресенье мы ходили в аквапарк. Людей было много, поэтому мы немного катались на горках, в основном, купались и веселились. Ещё было светло, когда наш смех перекрыл гул автомобилей. Причём, гудел не тот водитель, который сбил нас, а другой, который стоял и ждал зелёный, когда машина, убившая моих родителей, пронеслась мимо него на высокой скорости. Незвестный пытался нас спасти, но, увы, скорость машины была быстрее скорости нашей реакции, а расстояние было слишком маленькое. Я не помню, как все произошло. Просто в один момент мир вдруг исчез. Я очнулась довольно быстро и увидела на переднем сиденье двух людей без сознания. Они двоились у меня в глазах, но пятна крови я видела чётко. Или мне так кажется? Водитель оказался настолько пьяным, что едва держался на ногах.

Врачи сказали, что они умерли мгновенно. Машина врезалась в капот и передние сиденья, поэтому я почти не пострадала. Лёгкое сотрясение, синяки, ссадины и разбитое сердце – вот и всё. Когда мне сообщили, что я больше не увижу папу с мамой, я замотала головой. Нет, этого не может быть, они пошутили. Я закричала на них, сказала, что они мне врут, что это не так, потом я поверила, что это врачи их и убили. Своим бездействием. Я не могла успокоиться. Я подскочила на ноги и чуть не потеряла сознание снова. На ногах меня удержал гнев. Я взяла подушку и кинула её во врача, крича, что все они лжецы и убийцы. Как же я была зла. На пьяного водителя, на врачей, на людей, кото-

рые остались жить. Я не могла понять, почему Вселенная забирает самых лучших, но оставляет жизнь самым худшим. Всё, что попадалось мне под руки, летело во все стороны. Я почти не чувствовала боли – её я сполна ощутила потом, когда уровень адреналина упал. Но тогда я была полна энергии. Врачам пришлось поймать меня и что-то вколоть. Видимо, это было успокаивающее. После этого я быстро заснула, а проснувшись, просто проревела несколько часов подряд, никого к себе не пуская. Когда меня выписывали, со мной говорили противным, таким приторным голосом. Сказали, что испытала сильный шок, что сё пройдёт со временем, дали направление к какому-то психологу, к которому я и не собиралась идти. Потому что они ошибались. Не было ничего подобного. Я умерла, просто умерла.

Сестра ещё сладко посапывала, а я отправилась готовить завтрак. Меня хватило только на яичницу. Вскоре Ева заползла на кухню, потягиваясь.

– Доброе утречко! – потянула она, зевнув.

Не доброе! Нет! Она издевается?!

– Привет! – холодно кинула я. Не такие глупые фразы говорят по утрам, но иных слов я не могла подобрать. – Как спалось?

– Прекрасно, – пропела она.

– Рада за тебя, – проскрипела я. – Будешь завтракать?

– Конечно! Кофе у тебя есть? Я его обожаю.

Я тоже. Надо же, в чём-то ещё мы похожи.

– Да. Варю в экспресс-кофеварке.

– Ого. Я тоже иногда, но у меня получается невкусно.

Я промолчала, пошла варить кофе. Почему у нас такие бессмысленные разговоры в первое утро с похорон родителей? Разве так важно, кто умеет делать кофе, а кто нет? Хотя... Я замерла на секунду с ложкой, полной молотого кофе. Ведь каждый контакт начинается с малого. Надеюсь, это оно самое.

Я взбила молоко, как раз закипел кофе. Разлив его по стаканам, я добавила мускатного ореха себе и масалу Еве. Кофе с мускатным орехом – горькое, крепкое, но насыщенное. Именно его я любила. Может, потому что он так похож на мою жизнь?

Я отпила кофе. На вкус ужасен... А я думала, подобные навыки не забываются.

– Вкусненько, – улыбнулась Ева. Я посмотрела на неё с недоумением. Врёт?

– Ева, расскажи хоть, как в Москве жилось?

– Да ничего особенного. Сначала поступила в колледж на парикмахера. Потом в университете отучилась. Жила с Пашей. Ты его не знаешь, но мы очень любили друг друга, однако год назад расстались. С тех пор я одна. Ну вот и всё, – она пожала плечами.

– Кем хотя бы был этот Паша? – полюбопытствовала я.

– О, он был красавчиком. Высокий, широкоплечий, блондин. Носил меня на руках, так мило ревновал, – она подняла

глаза и соединила руки как будто в молитве. – Но вспылчивый жутко.

– И ты его до сих пор любишь?

– Нет, всё в прошлом, – хмыкнула Ева с горечью.

– А кем ты работала?

– Много кем. Официанткой, продавцом, парикмахером, оператором, секретаршей. Я уже не помню всех мест и должностей.

Удивительный человек, что сказать. Она открылась для меня с какой-то другой стороны: не как избалованная девочка, а как девушка, которая старалась обеспечить себя всеми силами. Хотя родители всё равно помогали ей финансово как могли. Ева действительно умела зарабатывать, а вот сохранять деньги – нет.

– Ева, – я немного замялась. – А... что стало с ребёнком? – я робко взглянула на неё. Знала, она не любит этот вопрос, всегда молчала, когда родители спрашивали.

На её лицо, столь беззаботное и светлое, вдруг набежали тучи: брови нахмурились, на лбу пролегла тонкая морщина.

Я вздрогнула, когда она вдруг резко встала, чуть не уронив завтрак и кофе со стола.

Зря я это затеяла.

– Тебя это не касается! – громко прошипела она и быстрым шагом вышла из комнаты.

Я так и осталась сидеть, сжавшись.

Вскоре громко хлопнула входная дверь. Я тут же почув-

ствовала какую-то пустоту внутри. И страх. Вдруг и она не вернётся. Ну зачем я начал весь этот разговор, дура! Надо себя чем-то занять. Так будет легче. Наверное, пришло время взяться за работу. Мне дали небольшой больничный из-за случившегося, но я не могу вечно пользоваться их добротой, особенно учитывая то, что я работаю удалённо.

Я просидела четверть часа, уставившись в экран ноутбука и иногда нажимая на клавиши, но мозг полностью отказывался работать, я гневно захлопнула крышку ноутбука и, упав на диван, закуталась в одеяло с головой. Ничего не хотелось делать, ничего, только вот так лежать. Я даже не плакала, просто лежала, пока не раздался звонок в дверь. Я гневно бросила взгляд на вход, но не встала. Оставьте меня! Никого не хочу видеть и слышать. А вдруг это Ева? Я резко подскочила и бросилась к двери. Но за неё меня ждала далеко не сестра. В коридоре стоял тот, кого я уж точно не ожидала и не хотела видеть.

– Привет! – он глупо улыбнулся, держа в руках яркий букет цветов и коробку моих любимых конфет.

– Я уже всё сказала. Уходи! Видеть тебя не могу! – презрительно бросила я, сжав губы и скрестив руки на груди.

– Нет, – улыбка сменилась серьёзным и непреклонным выражением лица упрянца. – Дай мне объясниться!

– Не хочу я с тобой разговаривать. Никогда, ни о чём, – я махнула рукой и резко захлопнула дверь, но что-то её остановило – носок туфли в проёме.

Он снова отодвинул дверь и посмотрел на меня со злостью. Он сильнее меня, с этим не поспоришь – это бесило меня ещё больше.

– Ну нет! Ты думаешь я сейчас вот так просто уйду? Я думал, ты меня знаешь достаточно, – он ухмыльнулся.

Да, я знала, что спорить с ним невозможно. Встанет на своём и не отодвинешь с мёртвой точки. Это раздражает.

– Знаю. Но и ты знаешь меня. Не хочу я тебя слушать.

– А я всё же скажу. Она просто знакомая. Зна-ко-ма-я. Подруга детства, понимаешь?

Я заткнула уши и замотала головой.

Он отодвинул мои руки.

– Ты ведёшь себя как маленькая! Как ты можешь делать свои выводы, не выслушав меня?! – он недовольно смотрел на меня, подавшись в мою сторону.

– Что тут узнавать? Что? Итак всё очевидно. Когда мне нужна была твоя помощь, твоя поддержка, где ты был? Встречал какую-то женщину и водил её в ресторан. И что тут непонятного, а?

– Пойми, она моя подруга детства, у неё умер муж, она возвращалась домой, к родителям, а я её самый близкий друг. Ей нужна была моя поддержка.

– Ага, и ты решил поддержать её в постели, так? – кричала я, илѐ лицо исказилось в полную ненависти гримасу, с сжатыми губами и прищуренными глазами.

– Не было такого! Да, мы поужинали в ресторане, я её под-

держал, приободрил. Ей тяжело, понимаешь?! – кричал и он, размахивая руками.

– А мне? Мне не тяжело? У меня все живы, здоровы? – щёки снова обожгли горячие слёзы., слишком солёные, слишком горькие.

– Но ведь тогда ещё ничего не случилось? – проямлил Артур, смущённо опустив голову.

А я просто рыдала, вздрагивая всем телом, всем своим существом. Он обнял меня, а у меня не было сил сопротивляться, у меня не было сил ни на что, потому что моя жизнь продолжала упорно разбиваться на миллионы мелких частей, на миллионы осколков потемневшего от старости зеркала.

Ну-ну, всё будет хорошо, – шептал он. И почему все так любят говорить эту фразу, почему они все врут мне.

Не знаю, как это произошло, но почему-то мы вдруг оказались на кухне. Артур налил нам чай. Я сделала глоток, но тут же сморщилась. Я и забыла, что чай обычно горячий.

Артур взял сою ладонь в свои и начал её гладить.

– Прости, – сморщившись, пробормотал он.

Я знала, что он неискренен. Он так и не признал свою вину, но стоило поблагодарить его даже за это пустое слово – ему всегда было очень сложно извиниться. А у меня уже не было сил злиться, хотя он сильно передо мной провинился.

– Я люблю только тебя и никто, кроме тебя, мне не нужен,

понимаешь? И я не собираюсь сдаваться.

Это было правдой. С тех пор, как я оказалась в больнице, он слал мне цветы и записки, с извинениями. Я думала, что, если буду игнорировать всё это, он забудет, а я тогда, быть может, его. Ведь, несмотря на ту боль, что он причинил мне, я всё равно глупо люблю его. Но в итоге он оказался на пороге моего дома с цветами и конфетами. Что ж, либо он упрям, либо правда любит меня.

– Мне грустно, что я не смог достаточно поддержать тебя из-за нашей ссоры, грустно, что я не могу прочувствовать всё то, что тревожит тебя, не представляю, как ты это пережила, но я боюсь оставить тебя одну. И хочу тебе помочь. Так давай оставим в прошлом эту ссору?

– Л-ладно, – протянула я, закусив губу.

Он радостно улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

– Вместе мы справимся, он потрепал меня по плечу. – Может, пойдём прогуляемся.

– Нет, – я тяжело помотала головой. – Сегодня я просто хочу отдохнуть. Дома. Одна.

Он понимающе кивнул и нехотя засобирился домой, всё поглядывая на меня взволнованным взглядом. Я уверяла его, что незачем за меня беспокоиться, но, похоже, его это не утешало.

– Ты спишь на диване? – нахмурился он.

– Да, – кивнула я. – Но давай не будем об этом сейчас.

Он недовольно что-то проворчал, но возражать не стал.

Когда дверь за ним захлопнулась, я снова почувствовала тяжёлую гнетущую тишину, витающую в напряжённом воздухе. Эта квартира была слишком пустой. Кухня с её стенами цвета кофе с молоком и светло-серым гарнитуром была слишком тёплой и сияющей. Зал, бежевый, с большим диваном, книжной полкой и телевизором с большим экраном, слишком живой.

В коридоре, слишком мирном и ярком, не хватало верхней одежды на вешалках.

Балкон, забитый цветами, ванная, шкафчики которой забиты всякими кремами и спреями мамы и, наконец, их комната, полная оттенков бежевого и кофейного. Она всегда была самой прибранной, потому что мама любила чистоту, но полностью могла её контролировать только в их с папой комнате. Всё в ней было гармонично, кровать всегда была заправлена, а на тумбочках с обеих сторон лежали книги, которые они сейчас читали. Одно портило гармоничную картину – наши с Евой рисунки прямо напротив кровати. На них просто какие-то каракули, кривые зверушки и традиционные человечки-палочки. Мама всегда особенно хранила эти бессмысленные рисунки. Не знаю почему, но когда мама в очередной раз стояла перед ними, разглядывая, – это всегда заставляло меня радоваться.

Интересно, а как бы к нашему миру отнеслись родители? Несмотря на то, что мы встречались год, они не были знакомы. Но я много рассказывала о нём, и он им нравился. Они

вечно повторяли, что он именно тот, кто мне нужен и больше всего уговаривали меня помириться с ним. Они очень хотели с ним познакомиться и надеялись, что мы поженимся. Так что, наверное, они были бы рады.

Чего лукавить, я тоже была счастлива, что наши с Артуром отношения восстановились, но тут же корила себя, ругала последними силами за то, что испытывала какие-то положительные чувства. Потому что не имею право быть счастливой.

Но когда же вернётся Ева?

Глава 3

За окном рделся рассвет. Такой живой. Жёлтый, оранжевый, красный – все эти цвета задорно переплетались и переливались. А я стояла с очередной чашкой ромашкового чая – когда-то он меня успокаивал, но не сейчас. Я запуталась. Я не знаю, что должна делать, чувствовать, как продолжать жизнь, о чём думать. Вопросы мучали меня всю ночь, поэтому теперь, встречая рассвет, я чувствовала только вселенскую усталость. Всё тело болело как если бы меня избили, а мешки под глазами тянули вниз. Я хотела спать. Но не могла.

Внезапно послышался какой-то знакомый звук. Входная дверь. Я резко поставила стакан на стол и бросилась в холл – да, это была Ева. С души будто камень упал. Жива, здорова, весела, но, главное, она вернулась.

– Чего это ты не спишь? – она состроила удивлённое выражение лица.

Не дождавшись ответа, Ева, потягиваясь, прошла на кухню.

– А что ничего поесть нет? – услышала я из кухни.

– Нет, – коротко ответила я, устремившись за сестрой.

– Так приготовь.

Я замерла. Гуляла непонятно где и с кем, вернулась домой без тени скорби на лице и с абсолютно неподвижным лицом требует еды – да, мне её не понять. Я чувствовала, как отку-

да-то снизу поднимается волна ненависти, бежит по венам, сворачивает желудок и, наконец, кривит ухмылку на лице.

– И что же ты хочешь? – протянула я, понизив голос, дабы не срываться на крик.

– Ну не знаю, – спокойна сказала Ева. – Может, куриные отбивные в панировке?

– Утром?! – я вскинула брови.

– Почему нет? – она пожала плечами и с тяжестью упала на стул.

– Будет сделано, ваше величество, – кинула я презрительно, но она совсем не обратила внимание на мои слова. – Если, конечно, я найду курицу.

– В чём проблема, просто сходи в магазин, – я передёрнулась.

– Почему бы тебе не сходить? – я не сдержалась и повысила тон.

– Вообще-то я устала! – хмыкнула она недовольно. – Из-за тебя, между прочим! – меня словно облили ледяной водой. – А ты всё равно бездельничаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.